

„Вот она — Русь“...

Завтра исполняется 90 лет
со дня рождения великого певца
и актера Ф. И. Шаляпина

В 1909 году я учительствовал в с. Круглик Оржевского уезда и дружил с избештским врачом Г. Л. Лашковым. Семья Лашковых была горячей поклонницей Ф. И. Шаляпина. Они слушали гениального русского певца и артиста еще в начале его карьеры, когда он выступал в роли мельника в «Русалке» Даргомыжского.

Весной 1910 года украинский писатель (ранее долгие годы учительствовавший в Кишиневской мужской гимназии) И. С. Нечуй-Левицкий пригласил Лашковых на свою «золотую» свадьбу. Лашковы предложили мне, молодому и незаметному народному учителю поехать с ними. Я очень хотел посмотреть Киев и познакомиться с Нечум-Левицким, произведения которого знал и любил с детства. В доме писателя мы застали А. А. Богомольца, М. М. Коцюбинского, композитора Н. В. Лысенко и других.

Среди гостей я увидел огромного человека, с очень светлыми волосами и такими же ресницами, пристальными глазами, в широкой с большими проймами шелковой русской рубаше с поясом. Это был Ф. И. Шаляпин. Шаляпин был интересный собеседник и чудесный рассказчик всяких былей и небылиц, сыпавший, как из рога изобилия, анекдотами. Когда начали рассказывать смешные истории, Шаляпин слушал с удивительной непосредственностью, восторгался всем как ребенок.

Вдруг Шаляпин полушутя заявил:

— Друзья, петь до смерти хочется.

Н. В. Лысенко тотчас уселся за пианино. Шаляпин одной рукой облокотился на инструмент и спел «Прощание Вотана» из «Валькирии» Вагнера.

Очарованные неповторимым голосом, слушатели видели разгневанного Вотана, карающего свою непокорную дочь. В финале сцены голос певца достиг необычайной задушевности и исключительной красоты звучания. Все почувствовали нечто необыкновенное, были покорены, зачарованы и, затаив дыхание, следили за каждым движением великого певца.

Меня буквально потрясли «Двойник», «Дубинушка» и «Верховина». Песня Лысенко была мне известна, но она звучала в тот вечер совершенно по-иному. Невыразимо грустным был стон горячей души, тревога Марички, и может быть, старого композитора, который, казалось, чувствовал, что он так и не успел сказать людям все то, что созрело в его творческом представлении.

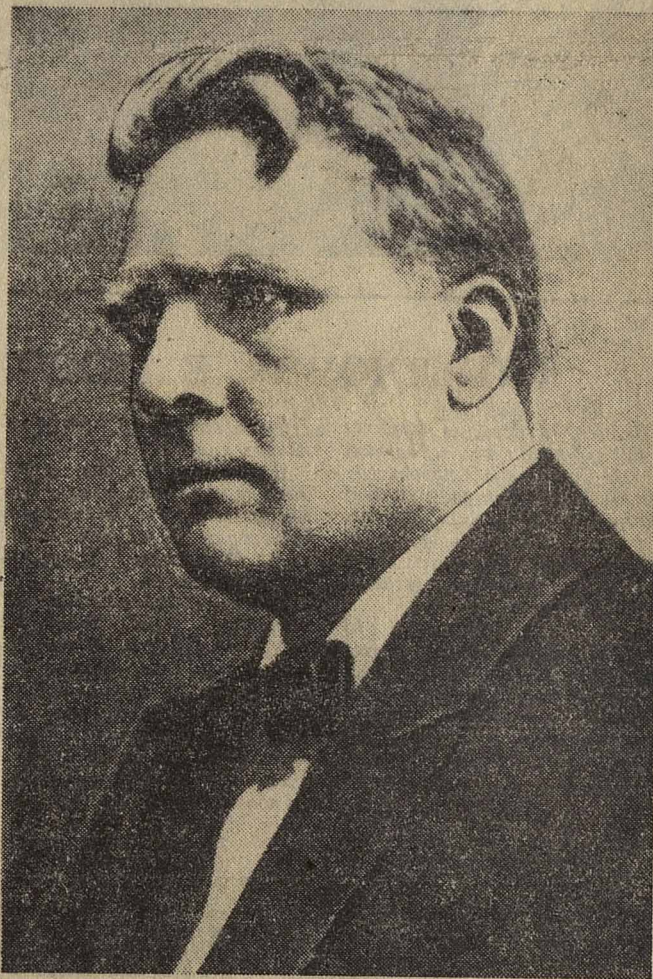
Искренне звучали слезы и тоска в голосе певца. Мно-

Нашлись и такие, которые сплетничали, утверждая, что Шаляпин потерял голос, и т. д.

2 февраля 1930 года по центральной улице Кишинева шел Федор Иванович в енотовой шубе и боярской шапке с тросточкой в руке. Улица была наводнена войсками и полицейскими частями.

Шаляпин подошел к памятнику А. С. Пушкина, снял шапку, поклонился поэту и вдохновенно, по-шаляпински, продекламировал из «Вакхической песни»:

Да здравствуют музы,
да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость
мерцает и тлеет

Без преувеличения можно сказать, что никто из приезжавших в Кишинев не имел такого абсолютного признания, как Шаляпин. Местная газета писала: «Кто слышал это, знает, как это жутко и как величественно!»

Шаляпин — царь сцены. Трон его бутафорский. Насколько однако он прочнее и достойнее многих тронов не бутафорских.

Зрители восторженными овациями сопровождали каждую строфу «Дубинушки», а Шаляпин все пел, вырастая в какое-то гигантское существо, беспощадно мстящее царям, господам, палачам народа.

Концерт Шаляпина представлял тревожно размышлять о жизни, он внятно и взволнованно говорил о ее неблагополучии, о необходимости ее изменения.

Трогательно кишиневцы проводили Федора Ивановича.

Весь перрон был запружен публикой, представителями прессы, фотографами. В руках у многих из них были плакаты: «Да здравствует великий Шаляпин!», «Счастливого пути!» Провожавшие просили на память автографы, карточки. В публике слышались возгласы: «Не забывают нас!» Растроганный сердечными проводами, Шаляпин вышел из вагона и сказал: «Дорогие друзья! Сердечно благодарю вас всех за исключительное ко мне внимание. Я счастлив, что мне удалось побывать здесь, в этом милом, уютном Кишиневе, в котором я был более 30 лет тому назад. Но я надеюсь, что скоро увидимся снова!»

Как-то А. М. Горький восторженно писал:

«Федор Иванович Шаляпин всегда будет тем, что он есть: ослепительно ярким и радостным криком на весь мир: вот она — Русь, вот каков ее народ — дорогу ему!».

Вряд ли можно найти другие слова, которые могли бы так метко охарактеризовать смысл всей жизни и всего творчества Шаляпина, умножившего славу русского искусства, наметившего в нем новые пути, заставившего весь мир склониться перед гением русского человека.

И. ОЧИНСКИЙ,
кандидат филологических наук.

гие из женщин не скрывали слез. Шаляпин увлекал, потрясал. В песне «Ах ты, ноченька» голос певца то звучал приглушенно-беззвучно, то вспыхивал и разгорался до ярких металлических нот и снова падал до шопота, похожего на причитание.

Около полуночи Федор Иванович распрощался с нами: завтра концерт, нужно выспаться, потом много репетировать. Лысенко рассказывал, что Шаляпин, не смотря на свой колоссальный успех, славу, талант, всегда готовился к концерту в десять раз больше, чем все наши певцы, особенно начинающие.

Шли годы. 26 января 1930 года морозным утром были расклеены на тумбах и рекламных стендах большие афиши, состоявшие из слов: «В театре «Одеон» состоится единственный концерт Ф. И. Шаляпина». («Голос Бессарабии», 26 января 1930 г.). И все.

Кишинев был радостно взволнован предстоящей встречей с прославленным русским певцом. О нем говорили всюду. Те, кто присутствовал на выступлениях Шаляпина в Париже, утверждали, что парижане были покорены и зачарованы его «Борисом Годуновым».

Пред солнцем бессмертным
ума.
Да здравствует солнце,
да скроется тьма!

Вечером, возле ярко освещенного театра собралась такая большая толпа оставшихся без билетов, что Шаляпин едва протолкнулся к дверям. Ярусы, партер, боковые места были переполнены. Все глаза были устремлены на сцену. Из-за правой кулисы вышел царь, из груди его вырывается сдавленный крик: «Довольно!». Шаляпин — Борис стареет на глазах зрителей. Горящие, широко раскрытые глаза, в них отблеск глубокой, затаенной муки, скорбный, трагический излом губ, черные спутанные кудри под вышитой жемчугом татарской шапкой, волнистая черная борода, тяжелая рука в перстнях, опирающаяся на жезл. Публика замерла в каком-то оцепенении... и вдруг весь зрительный зал затрясся от громовых восторженных рукоплесканий...

Звучат куранты. В сгущающихся сумерках Борису чудится призрак Димитрия. Когда Шаляпин проговорил: «Что это там в углу колыхается, растет?», часть публики тоже пугливо повернула голову туда, куда смотрел артист, а некоторые вскочили со своих стульев. Затаив дыхание, публика следила за каждым движением гениального актера...